

Е.Б.Музрукова, В.И.Назаров, Л.В.Чеснова

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ГЕНЕТИКИ* **(Интервью с академиком Н.П.Дубининым)**

Жизненный путь Н.П.Дубинина воплотил в себе основные этапы становления и развития отечественной генетики, которой он служит вот уже свыше 60 лет.

Едва закончив Московский университет (1928) и начав работать в Московском зоотехническом институте на кафедре генетики, руководимой А.С.Серебровским, Дубинин проводит серию классических исследований по гену *scute* у дрозофилы и подтверждает идею Серебровского о дробимости гена.

В 1932 г. Н.К.Кольцов предложил Дубину в возглавить отдел генетики в Институте экспериментальной биологии Наркомздрава РСФСР, которым ранее заведовал С.С.Четвериков. Под его руководством (1932-1948) отдел стал одним из ведущих мировых центров генетических исследований.

Уже в 1936 г., на четвертой сессии ВАСХНИЛ, Дубинин выступил в защиту хромосомной теории наследственности на стороне Н.И.Вавилова, А.С.Серебровского и Г.Меллера, положив начало своей деятельности борьбе с Т.Д.Лысенко.

В 1939 г. редакцией журнала "Под знаменем марксизма" была проведена дискуссия по спорным вопросам генетики и селекции. Мнения участвовавших в ней весьма авторитетных специалистов разделились как раз по их отношению к ключевым положениям генетики. Дубинин, выступавший на этом совещании, был в числе тех, кто смело и решительно отстаивал достижения современной генетики.

После августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. лаборатория цитогенетики, в которую ранее был преобразован отдел генетики кольцовского института, была расформирована, и Дубинин оказался не у дел. Вскоре он принимает предложение акад. В.Н.Сукачева, зачисляется старшим научным сотрудником Института леса АН СССР и в течение нескольких лет (1949-1955) работает орнитологом в составе Комплексной научной экспедиции по вопросам полезитного лесоразведения.

Но ничто не вечно под луной ... Времена меняются, в науке и жизни возникают новые неотложные проблемы, а биология неожиданно обретает солидную поддержку. Во всем мире, включая Советский Союз, энергично развивалась атомная физика со всеми ее практическими результатами. Среди них не последнее место занимал вопрос о влиянии радиации на наследственность живых организмов.

Уже И.В.Курчатов, руководивший работами по атомной энергии, задумал создать в институте, носящем теперь его имя, биологический отдел. Смерть помешала ему осуществить этот проект. Однако необходимость организации специальной лаборатории радиационной генетики вскоре овладела умами большинства крупных физиков, математиков и химиков.

* Автор введения — В.И.Назаров.

Дубинин, уже давно вынашивавший план возрождения генетики и вместе со своими соратниками бомбардировавший высшие органы страны многочисленными докладными записками о необходимости реабилитации генетики (им было также подписано известное "Письмо трехсот"), незамедлительного развертывания исследований по радиационной генетике и применению полученных результатов в сельском хозяйстве, с полным основанием мог считать, что исходной вехой на этом пути было создание в 1956 г. при содействии президента Академии академ. А.Н.Несмеянова лаборатории радиационной генетики в Институте биофизики АН СССР. Возглавив эту лабораторию, он сформировал и ее штат, собрав уцелевших генетиков со всей страны. В этой лаборатории и были возобновлены генетические исследования, прерванные после 1948 г.

Следующими крупными вехами в возрождении генетики были организация в 1957 г. Сибирского отделения Академии наук СССР и создание под Новосибирском Института цитологии и генетики, возглавить который по предложению председателя этого Отделения академ. М.А.Лаврентьева вновь было суждено Дубинину (правда, ненадолго, так как через два года по настоянию Хрущева он был от этого поста освобожден). И опять Дубининым был брошен клич по стране, на который откликнулись многие генетики, оставив те места, которые они успели обжить за десять лет. Образовался дружный и высокопродуктивный коллектив.

Теперь уже остановить развитие генетики в стране было невозможно. Оно шло все более убыстряющимися темпами, пока октябрьский Пленум ЦК КПСС 1964 г. не устранил последние препятствия.

В 1965 г. Дубинин был утвержден председателем вновь созданного Научного совета по проблемам генетики и селекции Отделения общей биологии АН СССР и ответственным редактором новой серии "Успехи современной генетики", а в 1966 г. его избирают действительным членом Академии. В том же 1966 г. Дубинин по поручению Президиума Академии организует в Москве на базе своей лаборатории в Институте биофизики и академического Института генетики — Институт общей генетики АН СССР и становится его директором. С самого начала своей деятельности тематика нового института охватывает все основные направления современных генетических исследований: популяционную и эволюционную генетику, биохимическую и молекулярную генетику, генную инженерию, радиационный и химический мутагенез, космическую генетику, фенотипическую, цитогенетику, генетику и селекцию растений, животных и микроорганизмов, генетику человека и другие области.

Любой обстоятельный и капитальный труд не может заменить живую беседу с его автором. У беседы очевидные преимущества в том, что она позволяет дополнить уже известные вещи новыми деталями, выявить у них необычные грани, по-иному расставить акценты. И все это становится возможным благодаря свободному диалогу с собеседником, который вправе задать интересующие его вопросы и уточнить любую деталь из полученного ответа.

Думается, что подобные ожидания всецело оправдывает интервью, на которое любезно согласился Николай Петрович Дубинин.

Вопрос. Николай Петрович, Вы по праву являетесь патриархом отечественной генетики. Для нас большая честь беседовать с Вами.

Нам бы хотелось задать Вам первый вопрос: чем Вы лично объясните ту обстановку, которая сложилась к 1948 году в биологии и генетике? Ведь сходные ситуации были и в других науках: в физике, биологии, — но именно в биологии все обернулось подлинной трагедией. Вот чем Вы можете это объяснить?

Ответ. В других науках все-таки было подспорье — это именно работы по атомной энергетике. Создание атомной бомбы набрасывало флер на физиков, на химиков, на прочие науки, удерживавшие этот флер. С генетикой же были

связаны острота положения в сельском хозяйстве, острота идеологической борьбы с фашизмом, который все-таки использовал в своих целях евгенику. К этому надо добавить наличие таких воинственных лидеров, как Лысенко и Презент. Лысенко был личным фаворитом Сталина, и все это вместе обрушилось на генетику.

Вопрос. Понятно. Но вот в этой связи очень часто приходится слышать и читать, что Н.И.Вавилов боролся активно против Лысенко и Сталина. Иногда, кажется, напротив, что он в какой-то мере покровительствовал Лысенко. Хотелось узнать о Вашем мнении, можно ли было уже в 1936 году на сессии ВАСХНИЛ каким-то образом монополию Лысенко ликвидировать? Или это было невозможно?

Ответ. Вавилов находился в очень трудном положении. Когда Лысенко появился на горизонте, то Вавилов его поддержал, причем эта поддержка не соответствовала достижениям Лысенко. Вавилов говорил, что достижения Лысенко таковы, каких нет в мировой генетике. Это, конечно, было преувеличением.

Вопрос. А почему он это сделал? Неужели он не понимал существа дела?

Ответ. Он не мог, конечно, предвидеть будущих страниц истории. К тому же Лысенко был до такой степени представлен в виде социально значимой фигуры как новатор, обещающий невиданный прогресс сельскому хозяйству, что Вавилов вынужден был уступить напору. Это безусловно. Лысенко же этим как раз и воспользовался, ибо такое признание со стороны Вавилова сбивало с толку не только "верха", но и ученых, для которых Вавилов был крупнейшим авторитетом. Кроме того, позиция Вавилова была такова, что он не уступал ничего в генетике (в этом смысле, борясь за генетику, он боролся против Лысенко), но против Лысенко, как такового, он не боролся. Он занимал, так сказать, твердые, неуступчивые, принципиальные, самоотверженные, но оборонительные позиции. Его положение было, конечно, очень трудное, поскольку начиная с 1933 года его не пускали за границу, несмотря на его огромные связи. С 1931 года на него было заведено досье, начинались взрывные процессы внутри Института прикладной ботаники. Там возникла мафия. Г.Н.Шлыков, А.К.Коль, С.Р.Шунденко и другие буквально взрывали этот институт. В Институте генетики, которым руководил Вавилов, тоже завелась шайка. Это были Н.И.Нуждин и Р.Л.Дозорцева, также ведущие подкоп под институт. Неудивительно, что Вавилову приходилось осень нелегко.

Вопрос. Вы знаете, А.А.Малиновский как-то в беседе с нами сказал, что в принципе в 1936 году на сессии ВАСХНИЛ можно было доказать, что Лысенко проходимец и что Вавилов этим почему-то не воспользовался.

Ответ. Я не знаю, как это можно было доказать.

Вопрос. Ну, может быть, надо было доказать, что у него не было никаких новых сортов, кроме одного — ветвистой пшеницы.

Ответ. Да, и этот сорт был выведен совершенно другими методами, не теми, о которых говорил Лысенко.

Вопрос. Может Вам, тогда стоило объединиться? Ваше выступление, конечно, очень острое. И мало кто так активно выступал против Лысенко в то время.

Ответ. В 1936 году Н.К.Кольцов послал письмо президенту ВАСХНИЛ А.И. Муратову, но на самой сессии он не выступил. Что касается выступлений Вавилова, Серебровского, Меллера, то они прозвучали как лекции. Они думали, что Лысенко как ученик их воспримет, а он уже научился и поставил себе явную цель уничтожить генетику.

Вопрос. Судя по высказываниям Лысенко, он был абсолютным невеждой, хотя многие говорят, что когда он выступал, то в его речах была какая-то сила убеждения. Вот какое впечатление он производил на Вас?

Ответ. Вначале он был действительно просто абсолютный невежда. К примеру, в 1932 году А.А.Сапегин созвал в Одессе конференцию по методологии генетики. Выступивший на ней Лысенко произвел ужасное впечатление. Он говорил отрывистыми фразами, вроде: "Фальшь", "Не принимаю", "Гены — это ерунда". Но, когда около него появился Презент, тогда все стало уже по-другому. Презент научил его некоторым принципиальным вещам, умению выступать. Лысенко стал выступать как новатор-демагог.

Вопрос. Николай Петрович, бытует такое мнение, в частности среди историков науки, что споры, начинавшиеся в биологии в 30-е годы, носили не научный, а политический характер и сильно подпитывались политической обстановкой. Как Вы относитесь к такому мнению?

Ответ. Я бы не сказал, что были особые политические разногласия. Скажем, Вавилов был искренно предан идеалам социализма, что он всячески подчеркивал. Никаких других политических идей, которые бы противопоставлялись партии или Лысенко, который говорил, что говорит от ее имени, не существовало. Но Лысенко и Презент поставили своей задачей разбить биологию и заменить ее своим учением. Какими мотивами они при этом руководствовались — это другое дело. Но в этой борьбе, в которой они использовали политические акценты, ссылки на Сталина, извращения марксизма-ленинизма, они придавали наукообразный характер, и это производило впечатление. Наукообразность проводилась ими в плане трех основных тезисов. Первое — это отрыв теории от практики (например, Вавилову вменялись в вину занятия "цветочками", частые разъезды и пр.). Второе — наследование благоприобретенных признаков. Это марксизм-ленинизм, поскольку жизненные условия формируют человека всю жизнь и ведут его эволюцию. Сорта создаются таким же путем. Но, поскольку вопрос о благоприобретенных признаках находился в фокусе научной дискуссии в предыдущие годы, и поскольку биологи в массе еще не восприняли генетику, это положение многих устраивало, а особенно Сталина, который сам стоял на этой точке зрения. Третье, связанное с политическими тенденциями, — это ошибки, допущенные в евгенике, которые чрезвычайно настойчиво использовались Лысенко и Презентом и были очень доходчивы для руководства страны, ибо они хорошо размежевывали советскую науку и фашизм. Вот и получился сложный клубок противоречий, из которых Сталин, в частности, выйти не мог.

Вопрос. Николай Петрович, думается, что в то время всем в общем приходилось быть дипломатами. В частности, и Вы в своем выступлении на сессии отметили "неумность социалистической практики у тов. Лысенко". Вы тогда действительно так считали? Или это была чистой воды дипломатия?

Ответ. Элементы дипломатии, может быть, и были. Но все-таки Лысенко производил впечатление связью с практикой. Например, его летние посадки картофеля были известны по всей стране. За посевы какие-то проса он и вся его бригада получили ордена Ленина. Никто не мог тогда подумать, что это полный обман, если правительство награждает за высокие урожаи проса. Мы просто думали, что он какой-то хитрый агроном.

Вопрос. Но вот В.П.Эфроимсон пишет в своих воспоминаниях, что уже тогда у некоторых возникало в этом сомнение и что уже тогда можно было начать какую-то проверку.

Ответ. Нет, проверку провести было невозможно. Вот предлагается яровизация. Во-первых, Лысенко — колхозный ученый. Он не признавал вашей делянки, статистику, биометрию. Это для него было все вздором. Вот он высевает в колхозах, например, в 1929 году на 100 тысяч га и получает результат, который уходит в правительство: прибавка на 2-3 центнера с гектара. Затем, через 3-5 лет, 10 миллионов га сеется с яровизации. У кого может возникнуть сомнение в реальности этого факта? Но это же фикция, потому что когда он дает в колхозы, то там сажают яровизированные семена на лучших участках и дают результат. Поймите: это в то время проверить было невозможно. Но когда жизнь показывает, что такой результат получен на такой гигантской площади, то ясно, что тут уже невозможно подобрать условия. И оказывается, что все это миф.

Вопрос. То есть практически все эти методы погубили наше сельское хозяйство? Их можно квалифицировать как вредительство?

Ответ. Да, конечно. Они дополнительно усугубляли кризис нашего сельского хозяйства.

Вопрос. Позвольте задать Вам несколько вопросов о генетическом отделе кольцовского института. Приходилось слышать от людей, работавших у Кольцова,

что, в сущности, Кольцов не обладал в Институте никакой фактической властью. Там существовала мафия, вершившая всеми делами. Так ли это было на самом деле?

Ответ. Так это было какое-то время. В частности, до моего прихода в 1932 году. Там действительно Комиссарук, Вендровский и другие пытались все сломать. И поскольку парторганизация и местком были против Кольцова, то он действительно властью не обладал. Но он обратился к Горькому, тот — к Сталину, и все поломали. Комиссарук и Вендровский ушли, и Кольцов стал в институте полновластным хозяином.

Вопрос. Николай Петрович, Вы пришли в институт совсем молодым человеком, Вам было только 25 лет. Вам нетрудно было руководить таким созвездием, в котором были очень талантливые и разные люди?

Ответ. Но дело в том, что их всех набрал я. Они были в значительной мере моими единомышленниками. Когда я пришел, в лаборатории С.С.Четверикова оставалось только двое сотрудников: В.В.Сахаров и А.Н.Промптов; причем Промптов вскоре переехал в Колтуши, чтобы исследовать генетику поведения птиц. Остался один Сахаров. Следовательно, все, кто приходил, были моими единомышленниками. У нас создалась нормальная творческая атмосфера.

Вопрос. А кого все-таки Вы считаете своим учителем в генетике? Четверикова?

Ответ. Четверикова, конечно, и одновременно А.С.Серебровского, несмотря на существовавшие между нами разногласия.

Вопрос. Николай Петрович, позвольте опять вернуться к теме разоблачения Лысенко. Как Вы считаете, могли ли в 1939 году генетики вывести Лысенко, выражаясь обиходным языком, на чистую воду?

Ответ. Я думаю, что не могли, потому что Лысенко уже был близок к Сталину, и Сталин ежедневно вечером прослушивал отчет о ходе дискуссии. Если бы Вавилов и Серебровский заняли очень жесткие позиции, то это, наверное, было бы истолковано как неприятная "групповщина". Понимаете?

Вопрос. Но Вы же не побоялись тогда выступить в дискуссии 1939 года и говорить какие-то достаточно резкие слова?

Ответ. Но я один. Они ко мне не примкнули. Но если бы и они примкнули... У меня позиции были, так сказать, философско-научные. Я не знаю, обладали ли такими способностями Вавилов и Серебровский. Насколько я знаю, Александр Сергеевич занимал крайние философские позиции. Так что если бы они с жестко научной точки зрения (а я с такой общей комбинированной точки зрения) вместе выступили, то не воспринял ли бы Иосиф Виссарионович это выступление как реальную угрозу? Не исключено, что это могло бы приблизить 1948 год.

Вопрос. То есть Вы хотите сказать, что пресловутая сессия ВАСХНИЛ могла бы состояться еще до войны?

Ответ. Да, именно так, когда арестовали Вавилова.

Вопрос. А все-таки чем можно объяснить, что Лысенко так приблизился к Сталину? Произошло ли это благодаря его псевдодостижениям в сельском хозяйстве?

Ответ. Нет. Во-первых, когда в 1935 году после одного из его выступлений Сталин сказал: "Браво, Лысенко, браво!", — то Лысенко говорил о сельском хозяйстве, об успехах яровизации, о том, что мы его поднимем. Одновременно он сказал о классовых врагах в науке, понимаете? Сталину это было очень по душе, а, кроме Лысенко, никто об этом не говорил. Наука об этом молчала. Первым об этом заговорил Лысенко. Значит, это был человек, на которого можно опереться.

Вопрос. Как Вы считаете, биологи-марксисты — М.Л.Левин, В.Н.Слепков, И.И.Агол — внесли ли они в биологию какую-то долю идеологизации? Имело ли это положительное или отрицательное значение или было нейтральным фактором? Как вообще сочеталась марксистская диалектика с Вашими собственными фундаментальными открытиями в генетике?

Ответ. Дело в том, что эта группа сыграла, в частности для меня, очень большую роль. Наряду с идеологизацией биологии они еще все-таки привнесли метод, мировоззрение — марксизм-ленинизм, который сейчас вызывает улыбку. Ученым свойственно материалистическое мировоззрение, и я никогда мистиком

не был. Поэтому такое оформление материализма марксистской диалектикой для меня было очень важно. Скажем, то совершенно новое явление в процессах эволюции, которое не укладывалось в классический дарвинизм, оно же все-таки созвучно диалектическому методу! Вообще вся наука укладывается в диалектический метод. На меня философская сторона науки всегда производила очень большое впечатление.

Так вот, возвращаясь к нашей теме, скажу, что в лаборатории все были моими учениками, только я их учил — и на дрозофиле, и методам, и проведению экспериментов, — все это делал я. Поэтому и сложилась очень дружественная обстановка. Например, И.И.Агол, оказавшись в Америке у Моргана, прислал мне оттуда фотографию — а он, кстати, был очень красив — с надписью: "Милому Николаю Петровичу от наших в Америке".

Надо сказать, то, что наша "красная профессура" делегировала группу своих слушателей в Моргановскую лабораторию для постижения практической науки, тоже производило очень большое впечатление.

Вопрос. А они были совсем не подготовлены биологически?

Ответ. Да, совершенно не подготовлены. Правда, они занимались у Б.М.Завадовского наследованием благоприобретенных признаков (*смеется*). Слепков обосновал это с позиций марксизма. И вот нам удалось их убедить, что они неправы... Привлечение философских кадров, которые были противниками генетики и стали ее адептами, — это же тоже очень большое событие.

Вопрос. А они могли составить какую-то оппозицию Презенту? Почему этого не произошло?

Ответ. Да потому, что они, по-моему, уже в 1934 году были все разогнаны как троцкисты, а Слепков — как бухаринец.

Вопрос. Николай Петрович, а приезд Меллера как-то повлиял на развитие генетики?

Ответ. Д.Гранин в своей повести "Зубр" ссылается на одно письмо (причем без комментариев, а это значит, что он с ним согласен), где написано, что отъезд Меллера из СССР теоретически обезглавил Институт генетики. Но это, конечно, неверно. На самом деле, теоретические устремления Вавилова находились за пределами дрозофильной тематики. Кроме того, я бы сказал, Меллер в нашей стране не оказал ожидаемого влияния на развитие науки. Дело в том, что он и его сотрудники до переезда в Москву сидели в Ленинграде, закрывшись в лаборатории, занимались конкретными работами. Широкого влияния на генетику они не оказали. В дискуссии Меллер участвовал неудачно: он как ученый мирового масштаба излагал общеизвестные истины, словно читал по учебнику (*смеется*).

Вопрос. Насколько известно из литературы, у него были постоянные разногласия с Морганом?

Ответ. Да... Он был иногда у нас на семинарах. Конечно, он великий ученый, но на меня он не производил впечатления (*смеется*).

Реплика. Меллер в это время очень увлекался евгеникой.

Ответ. Да, чрезвычайно. Он и Серебровский были основными советниками С.Г.Левита, и за всеми их евгеническими крайностями последнего стоял Меллер.

Вопрос. Но как Вы считаете, разгром Медико-биологического института и изгнание Левита все-таки повлияли на развал медицинской генетики?

Ответ. Ну, это, конечно, безобразия полное. Несмотря на статью Серебровского, там же велись очень хорошие работы, и там были очень крупные люди. И если бы Левит остался, то, безусловно, медицинская генетика и генетика человека у нас продолжали бы развиваться. А разгром института был дополнительной трагедией.

Вопрос. Николай Петрович, а как Вы расцениваете создание Новосибирского академгородка? По мнению многих, это была своего рода веха в возрождении генетики в 50-х годах после постигшей ее трагедии. Сотрудникам городка было предоставлено много свобод (хотя и ограниченных): и научных, и в общении. Как Вы считаете, можно ли связать возрождение генетики в 50-х годах в какой-то мере с новой атмосферой, складывавшейся в этом центре?

Ответ. Р.В.Петров напечатал статью в "Коммунисте", где написал о периоде возрождения генетики. Написал абсолютно неправильно, о чем я ему серьезно сказал. Он пишет, что примерно до 1960 года полуподпольные группы Тимофеева-Ресовского, Астаурова, Энгельгардта и Сукачева определяли возрождение генетики. На самом деле исходным пунктом ее возрождения было создание лаборатории генетики в Институте биофизики в 1956 году. Это произошло после всех писем в ЦК партии, в том числе известного "Письма трехсот". Были и другие письма, которые я привожу в новом издании своей книги¹. На ЦК было оказано весьма существенное давление. Кроме того, после взрывов атомных бомб в 1945 году проблемы радиационной генетики за границей стали чрезвычайно актуальными. И вот вопреки мнению Хрущева и благодаря поддержке всех математиков, физиков, химиков в 1956 году в Институте биофизики и была создана лаборатория генетики, которую я возглавил.

В этой лаборатории собрались крупнейшие генетики: И.А.Рапопорт, Р.Б.Хесин-Лурье, А.А.Прокофьева, Б.Н.Сидоров, Н.Н.Соколов, В.В.Хвостова, Я.Л.Глембоцкий, — словом, те, кто уцелел, и я их собирал отовсюду. Хвостова работала в Библиотеке иностранной литературы; Соколов, Сидоров и Глембоцкий находились в Якутске, и т.д.

Конечно, огромную роль сыграл тогдашний президент Академии наук СССР академик А.Н.Несмеянов. Пользуясь совершенно свободным доступом к нему, я ему рассказывал о том или ином генетике и говорил, что его надо взять, и получал единицы. В результате к 1960 году моя лаборатория насчитывала 100 сотрудников и 50 аспирантов. Ими велась огромная лекторская работа.

В 1957 году мне позвонил М.А.Лаврентьев и сказал, что мы в Вашей лаборатории знаем, довольны ей, но что мы откроем для Вас в Сибири "зеленую улицу". Поезжайте туда, организуйте институт и прочее. В том же 1957 году и был создан Институт цитологии и генетики, который стоял на совершенно четких современных научных позициях. Я собрал по стране, так сказать, остальных генетиков и направил их туда. Ю.Я.Керкис приехал из Таджикистана, где руководил совхозом; П.К.Шкварников — с Украины, где был председателем колхоза; З.С.Никоро оставил музыкальную школу; Д.К.Беляев работал в звероводческом совхозе; Ю.П.Мирюта был агрономом на Украине. Все они слетелись в Новосибирск, причем мне их особенно и приглашать не надо было: они все рвались работать по генетике. И там создался центр, который работал 9 лет параллельно с Институтом генетики, возглавлявшемся Лысенко. Значит, официальный центр генетики как институт Академии наук был противопоставлен институту генетики Лысенко.

Конечно, давление сибирский институт испытывал страшное. За год там побывало несколько комиссий из ЦК КПСС (*смеется*), из Сельхозотдела, причем с сотрудниками Академии наук. В них участвовали Н.И.Нуждин, И.Е.Глушенко и им подобные. Все они давали институту положительную оценку (в том смысле, что в нем работа идет, печатаются статьи, но направление его, так сказать, в корне порочное). Когда уехала вторая комиссия, то М.А.Лаврентьев с нами в узком кругу пошутил: "Да, вот это мужики-ежики, в голенищах — ножики" (*смеется*). Он, так сказать, стоял насмерть за институт.

Однако в это время Лысенко возбудил ненависть Хрущева не только к Институту цитологии и генетики и его директору, но и к Академии наук в целом. Хрущев горел желанием институт закрыть. И когда в 1959 году Лаврентьев летел вместе с Хрущевым в одном самолете из Владивостока, то М.А. ему сказал (он мне об этом потом рассказывал): "Ну, Вы же не встречались с Дубининым. Вы повстречайтесь с ним, послушайте, что он Вам скажет". Хрущев ему ответил: "Довольно! Если ты будешь мне говорить об этом, я спущу самолет на следующем аэродроме, а ты хоть пешком добираться до Новосибирска" (*смеется*). После этого ЦК потребовал от Лаврентьева моего смещения. Лаврентьев мне сказал тогда, что ничего сделать нельзя. Было это в декабре 1959 года. Я тогда продолжал руководить лабораторией в Институте биофизики. Мне были известны мотивы и настроение Хрущева.

Вопрос. Николай Петрович, а где Вы работали после сессии 1948 года? У Сукачева?

Ответ. После сессии ликвидировали лабораторию в кольцовском институте, который стал уже "Хрущовским", и я оказался безработным на 7 месяцев. Меня пригласили в отдел кадров Академии и спросили, где я хочу работать. Я сказал, что хочу работать в Якутии: ну, подальше уехать... романтика. Они сказали, что подумают, и через неделю заявили: "Вам неудобно ехать в Якутию" — и все. Устроили меня к Сукачеву с его согласия. Это была экспедиция по полезащитным насаждениям от Института леса. Шесть-семь месяцев в году мы находились в экспедициях. Когда же в 1952 или в 1953 году ликвидировали комплексную полезащитную экспедицию, то все штаты передали Институту леса. Поэтому я перед Институтом биофизики работал в этом институте.

В Институте биофизики тоже было очень сложно. Не хотели создавать в нем генетическую лабораторию. Поэтому вначале мы поместились на карантинном питомнике у Н.В.Цицина в Ботаническом саду (там, где находится автобаза). Это были буквально хибары. Затем мы переехали в Ботанический сад, в один из домов, которые не значатся в плане; потом И.Л.Кнунянц передал нам домик на ул.Осипенко. Помню, что, когда мы грузили свои вещи в Ботаническом саду, прибыл бульдозер, который сносил наше обиталище (*смеется*).

Вопрос. Нам бы хотелось узнать Ваше отношение к личности и работам Тимофеева-Ресовского.

Ответ. Тимофеев-Ресовский уехал не позднее 1925 года, скорее в интервале между 1923 и 1925 годами. У него жена была немка, немецкий для него был почти родным, так что ему легко было освоить этот язык. Тимофеев-Ресовский быстро акклиматизировался в Германии и, конечно, занял большое место в мировой науке. Его работы с К.Циммером по теории мишени, по популяциям, в особенности по сезонным колебаниям численности черных божьих коровок, труды по проявлению генов в популяциях (экспрессии) — все это, конечно, превосходные работы.

Вопрос. Вы считаете его генетиком мирового уровня?

Ответ. Да, безусловно. Но не первым генетиком, конечно. Крупных генетиков было в то время несколько десятков. Однако работа Тимофеева в Германии вызывала все же недоумение. Он уехал на два года и не позднее 1927 года должен был вернуться — до всяких событий. Он остался. Но в Германии с 1935 года у становился твердый фашизм. Все его друзья-генетики уехали из Германии. Ему предлагали уехать куда угодно. Но он остался в Германии и после того, когда в ней наступил разгул фашизма.

Во время странной войны с Францией и Англией Тимофееву настойчиво предлагали выехать. Он выезжал, но возвращался, занимая в фашистской Германии какое-то свое место. То, что пишет Д.Гранин, все это, конечно, самая настоящая неправда. Он занимал какое-то место в системе фашизма — вот в чем дело, а фашизм же абсолютно все подчинял своей идеологии. Значит, он с этой идеологией, во-первых, мирился, а, во-вторых, в какой-то мере фашизм и обслуживал. В частности, у меня есть одна фотография. Когда была конференция по расовой теории, он на ней выступал и вместе с Розенбергом запечатлен на фото. Кроме того, он делал какие-то авансы в пользу арийской расы. То, что он процветал в этих условиях, и то, что он внутренне солидаризировался с арийской теорией, сомнений не вызывает. Все-таки в 1941 году немцы были под Москвой и были уверены, что Россия — родина Тимофеева — падет, а Тимофеев продолжал работать на расовую теорию. Почему он остался в Германии? Как его взяли наши войска в плен? Это совершенно непонятно. Правда, в какой-то мере это последнее обстоятельство можно истолковать в его пользу: что он хотел перейти, а его не взяли. Но здесь от него требовали того же: как действует ядерная энергия на наследственность, на живую клетку. Поэтому ему после тюрьмы дали возможность работать за Уралом, в Миассе. Но к нему как к специалисту послали ряд людей, в том числе и Рема Петрова, чтобы они учились. Они там сидели, совершенно не понимали, что происходит в стране, и занимались, так сказать "окологенетикой" вместе с Петровым, Жоресом Медведевым и другими. Так что поведение Тимофеева при фашизме не может быть принято и оправдано. Тем более что его сына Фому расстреляли, а этот факт совершенно не отразился на отце: он процветал до самого конца войны.

Вопрос. А Вы были с ним знакомы до его отъезда в Германию?

Ответ. Нет, он уехал, когда меня еще не было в Москве; вернее, когда я еще был в пединституте и был далек от генетики. И он сидел в Миассе, окруженный своими учениками, среди которых был только один генетик — Лучник.

Вопрос. А скажите, пожалуйста, после возвращения Тимофеева, после тюрмы, Урала, Вы с ним познакомились?

Ответ. Да, да, я с ним общался.

Вопрос. А какие-нибудь значительные работы Тимофееву удалось осуществить после возвращения на родину?

Ответ. Он выполнил общеприкладные и общегенетические работы, в частности о влиянии радиации, но они несравнимы с тем, что он сделал раньше.

Вопрос. В заключение нашей беседы нам хотелось бы спросить Вас о Вашем мнении — как лидера и классика генетики — в отношении перспектив развития нашей генетики. Можно ли в ближайшее время ожидать от генетики чего-то нового, оригинального?

Ответ. Когда генетика возрождалась в 60-е годы, то у нас были очень хорошие кадры: Н.Н.Соколов, Б.Н.Сидоров, И.А.Рапопорт, Я.Л.Глембоцкий, В.В.Хвостова, М.А.Бельговский, А.А.Прокофьева-Бельговская и др. Они, к сожалению, довольно быстро ушли из жизни после реабилитации генетики и не успели реализовать свои возможности. Пришли новые кадры, в основном лишенные генетического образования. В генетике они самоучки, и это, конечно, сказалось на уровне науки. Это были медики, агрономы, педагоги, физики, химики, ставшие генетиками. Образование наложило на них определенный отпечаток. Это поколение, которое до сих пор руководит генетикой, не подняло эту науку, ибо отдельные ученые погоды не делают. К тому же одновременно необычайно усилилась физико-химическая биология. Скажем, академики В.А.Энгельгардт и А.А.Баев переключили все ресурсы на так называемые молекулярную биологию и молекулярную генетику. Эти области биологии стали особенно престижными. На них уходили огромные денежные и материальные ресурсы. Поэтому генетика, конечно, находится сейчас только у порога своего восхождения. Пришли молодые люди, владеющие новыми методиками, свободные в своем мышлении. Эти люди в течение 20 лет, по моему мнению, и должны будут сделать рывок, чтобы достигнуть уровня мировой генетики.

Вопрос. Николай Петрович, а не могли ли бы Вы назвать две-три многообещающие фамилии или школы нового поколения? Кого Вы держите в поле зрения?

Ответ. Из нового поколения наиболее глубоким в охвате проблем я считаю А.А.Жученко, бывшего директора Института генетики и бывшего президента Молдавской Академии наук. Он выпустил ряд очень интересных книг, выполнил десяток больших экспериментальных работ. У него совершенно самостоятельное мышление, и мне кажется, он еще много может сделать.

Вопрос. А какого Вы мнения о В.А.Гвоздеве?

Дубинин. Да, это очень хороший исследователь, и на него можно возлагать большие надежды. Могу упомянуть А.П.Акифьева из Института химической физики. По генетике избраны два члена-корреспондента: В.А.Шестаков и С.Г.Инге-Вечтомов. Будем надеяться, что они останутся не только хорошими исследователями, но и станут генераторами новых идей. Я думаю, что подъем генетики в нашей стране не за горами. В течение ближайших пяти лет ростки должны проклюнуться.

* * *

Участники встречи выражают Н.П.Дубинину глубокую благодарность за содержательную беседу, за то, что ученый нашел для нее время, и желают ему доброго здоровья и дальнейшего активного участия в развитии генетики.

Примечание

¹ Дубинин Н.П. Страницы истории